

К ЮБИЛЕЮ Б. Г. МОГИЛЬНИЦКОГО

И. Ю. НИКОЛАЕВА

БОРИС ГЕОРГИЕВИЧ МОГИЛЬНИЦКИЙ ЖИЗНЬ И СУДЬБА

Статья посвящена признанному лидеру Томской историографической и методологической школы профессору Б. Г. Могильницкому. Наследник лучших традиций русской школы медиевистики Д. М. Петрушевского, А. И. Неусыхина, А.И. Данилова, он создал, благодаря исключительной широте своего культурного и интеллектуального кругозора, собственную модель конструктивно-критического анализа различных научно-исторических школ. Научные исследования и преподавательская деятельность Б. Г. Могильницкого так тесно переплетены, что его трехтомник «История исторической мысли» по праву считается не только лекционным курсом (как обозначено на титуле), но уникальным научным историографическим трудом.

Ключевые слова: *Б. Г. Могильницкий, историография, методология.*

Безусловно, что для всех нас, учеников, коллег, друзей и знакомых Борис Георгиевич известен разными сторонами своей богатой и многогранной натуры. Однако у каждого в общении с ним возникает нечто общее в ощущении характера даже мимолетных встреч, разговоров с ним, контактов на любом уровне. Человек словно попадает в некое невидимое силовое поле, и имя этому полю – культура. Культура в самом широком и глубоком, истинном смысле этого слова. Именно она, подлинная, настоящая, негромкая и определяет многое в его личности и задает особый регистр общения каждого из нас с этим человеком. И это, как представляется, и определяет в первую очередь его человеческую уникальность и уникальность профессиональную.

Борису Георгиевичу посчастливилось родиться в семье, атмосфера которой на многие годы определит его «Я». Мать Берта Борисовна Столпер – врач, отец Георгий Николаевич Могильницкий – инженер, жили в Киеве. Интеллигентная семья. Семья любящих и заботящихся друг о друге людей. При этом раннее привитие чувства ответственности и редкая по тем временам высокая культура досуга. 25 лет вплоть до самой смерти родителей, которых он нежно любил, каждый отпуск Борис Георгиевич обязательно ездил к ним, чтобы помочь. «Любитель» садово-огородных дел, он копал грядки, таскал бревна, а на досуге играл с отцом в шахматы, любовь к которым он сохранит на всю жизнь. Семью отличал высокий культурный уровень – он и сегодня на память

свободно цитирует Пастернака, Мандельштама, Маяковского, Есенина. Именно широкий культурный кругозор и родительский такт стали основой свободного выбора будущей профессии. Это произойдет уже в Барнауле, куда семья была эвакуирована в 1941 г. и где Борис Могильницкий в 1946 г. закончил с серебряной медалью среднюю школу.

Время – вот тот мощный исторический фактор, который определяет судьбу каждого, а точнее, как сказал бы Борис Георгиевич, люди во времени. Его студенческая пора счастливо совпала со временем окончания войны, когда в мир вернулось большое число людей, прошедших фронт. Среди сокурсников и преподавателей Бориса Георгиевича было немало бывших фронтовиков, чье присутствие радикально изменило атмосферу студенческих аудиторий – это была атмосфера свободы, самостоятельности суждений, подпитываемая тем опытом обретенной мудрости, знания и жажды жизни, которая не могла не создать особую ауру. Среди этих людей вскоре появился тот, чье имя так много значит для Бориса Георгиевича и так много определит в его судьбе. Приехавший в 1947 г. в Томск А.И. Данилов привлекал многих фронтовой биографией, сильной и волевой натурой, под впечатлением его профессионального и мужского магнетизма, по свидетельству, Л.Г. Сухотиной находилась едва ли не вся женская часть факультета. Борис Могильницкий, как ему казалось, определился с областью своих научных интересов, его интересовала современность. После знакомства с Александром Ивановичем он сделал бесповоротный выбор в пользу медиевистики. Лекции по западноевропейскому средневековью, спецсеминар, который вел Александр Иванович по раннему средневековью были образцом профессионального мастерства. И это неудивительно. Александр Иванович был учеником выдающегося историка А.И. Неусыхина, который в свою очередь прошел школу известнейшего отечественного медиевиста Д.М. Петрушевского, воспитанного в традициях Т.Н. Грановского и И.В. Лучицкого – гордости российской исторической науки. Именно у Александра Ивановича, а точнее – прежде всего у него, Борис Георгиевич получил уроки высочайшего профессионализма, в общении с ним он обрел тот культурно-исторический багаж, который определит интересы, стиль работы, направления научного поиска сначала студента, а потом и зрелого исследователя.

Важно подчеркнуть, что это было встречное движение – не только Борис Георгиевич тянулся к Александру Ивановичу, но и учитель выделял среди многих увлеченность наукой, пылкий и гибкий ум приглянувшегося ему студента, отмечая при этом его трудолюбие и ответ-

ственность. Уже в студенческие годы между ними возникла особая духовная связь. На одной из хранящихся в семейном альбоме фотографий А.И. Данилова написано: «Дорогому Боре на память. 1 января 1949 г.». Это новогодний снимок, на котором запечатлены Александр Иванович, Борис Георгиевич и его сокурсник. Не всякий удостоивался столь близкого общения. От учителя придет не только любовь к профессии, навыки мастерства, но шире – те не прописанные никакими стандартами образцы поведения, которые и выдают уровень культуры человека. Достаточно привести такой факт, который любит вспоминать в рассказах об учителе сам Борис Георгиевич. В разгар борьбы с космополитизмом в Томск был сослан И.М. Разгон. Весть об этом быстро разлетелась и однажды во время прогулки Борис Георгиевич спросил у учителя: «А правда ли что к нам едет космополит Разгон?». На что получил ответ: «Не космополит, а лауреат Сталинской премии, крупный ученый Израиль Менделевич Разгон». Александр Иванович – будущий ректор ТГУ, будущий министр просвещения, убежденный коммунист, человек в силу своих убеждений и социальной роли отвечавший за проведение в жизнь партийно-государственных решений, был значительно шире, чем нередко его представляют.

Именно под его руководством Борис Георгиевич сделает свои первые шаги в науке, сначала в рамках спецсеминара, затем, защитив в 1958 г. кандидатскую диссертацию, посвященную творчеству Д.М. Петрушевского, а в 1967 г. – докторскую диссертацию о русской либеральной медиевистике конца XIX – начала XX в. Диссертации и ряд статей и книг, которые появились в этот промежуток времени, заявили о появлении в отечественной науке не просто историографа-медиевиста, но ученого с широчайшим интеллектуальным диапазоном. С одной стороны, можно сказать, что сама предметная область его интересов – медиевистика, в силу своего счастливого положения находившаяся на периферии идеологического контроля, во многом облегчила явление незашоренного сознания, не стиснутого догматизмом, присущим другим областям исторического знания тех лет. Но, с другой – в них проявит свой почерк творческая индивидуальность молодого ученого, отличительными чертами которой были широта и глубина осмысления анализируемых явлений, уникальная способность видеть явление в нестандартном ракурсе и умение найти его связь с культурно-историческим контекстом.

Именно этот стиль мышления и определил ту нишу, в которой Борису Георгиевичу найдется мало равных в отечественной, да и не только отечественной науке. Этой нишей является, безусловно, методология

истории. В те годы методологическая проблематика фактически не звучала, загубленная в 1930-е годы, многие идеологически и подсознательно ее сторонились. Доминирующим типом исторического и главным образом историографического исследования были работы не концептуального, а конкретно-исторического типа, когда в историографии преобладали труды, посвященные анализу отдельно взятого историка или какого-либо аспекта его творчества. Работы молодого томского ученого, наряду с появившимися в 1960-е годы исследованиями таких известных историков как М.А. Барг, М.Я. Гефтер, А.Н. Цамутали, В.Д. Шапиро, свидетельствовали об обретении отечественной наукой нового уровня диалога с прошлым. Это был диалог крупного формата, свидетельствующий о формировании нового взгляда, что требует специального анализа, который невозможен в рамках данного текста.

Здесь же он может быть обозначен лишь пунктирно. За разрозненными именами историков в работах Бориса Георгиевича предстало целое явление, имя ему – социально-экономическое направление в русской медиевистике, которое с его легкой руки стало общепринятым в историографии. За отдельными процессами, происходившими в нем, он смог увидеть явление общего порядка – явление кризиса в исторической науке на рубеже столетий, кризиса не как стагнации или эрозии, но как болезненного перехода к новому, более высокому уровню развития. Именно он наряду с М.А. Баргом ввел в тогдашнее пространство научных штудий понятие теории среднего уровня (или теорию действия) в противовес истматовской теории общеисторических закономерностей, действующих в определенных пространственно-временных рамках. Именно он первым в отечественной науке сформулировал новое понимание предмета историографии, который не может быть редуцирован лишь к истории исторической науки, но, несомненно, включает в себя историю исторической мысли и исторических знаний, независимо от области их бытования. Уже в 1970-х гг. он, вслед за М.Я. Гефтером, поднял вопрос об альтернативности истории. В условиях, когда догматизированное понимание исторического процесса как заданного и непреложного было расхожим местом, когда видение историческое по большей части оставалось одномерным, он говорил о безграничном многообразии. Словом, во многих отношениях он был одним из первопроходцев в сложных дебрях тогда еще только становящейся методологии советской исторической науки.

Многое из перечисленного здесь настолько прочно вошло в историческую культуру исследователя сегодняшнего дня, что трудно себе

представить иной стиль исторического мышления и сознания. А между тем он был иным. В 60-70 годы XX в. в отечественной науке проходил невидимый для современников методологический поворот – поворот от одномерной упрощенной интерпретации истории к той модели исторической науки, без которой невозможны были бы ни сегодняшняя история ментальностей, ни историческая антропология, ни история повседневности, ни споры о сослагательном наклонении в истории и пр.

Не ставя знака тождества между процессом оформления «новой исторической науки» на Западе в 1960–70-е гг. и процессами, которые шли в это же время в советской историографии, все же можно провести параллель между ними в плане обновления существовавших моделей науки. Кристаллизации нового методолого-историографического пространства протекала далеко не безболезненно, сопровождалась дебатами и дискуссиями, и Борис Георгиевич был одним из активнейших их участников. Он много выезжал, выступая на самых значительных форумах и конференциях, его статьи печатали самые известные по тем временам исторические журналы. Но эта активная тусовочно-сетевая, как теперь принято говорить, жизнь никогда не превращалась для него в самоцель, не превращалась в средство самоутверждения, о котором когда-то очень метко сказал Ф. Искандер, говоря о партизанской войне самолюбий, подчеркнув, что, именно в гуманитарии проблема авторского «я» как нигде гипертрофирована. Его неподдельный интерес к делу, его умение слушать оппонента, его такт делали свое дело.

Именно поэтому, как представляется, он не принял и предложений, которые ему не раз поступали, особенно после того, как А.И. Данилов стал министром просвещения. У него был свой дом, свое дело и этим домом этим делом были кафедра, которую он возглавит после отъезда Александра Ивановича в Москву, и факультет, которым он руководил с 1968 по 1981 год (с перерывом в 1972-74 гг.). Факультет в те времена находился в особом, можно сказать пассионарном состоянии. Множество ярких дарований, талантливых педагогов и исследователей (И.М. Разгон, А.П. Бородавкин, М.Е. Плотникова, Н.С. Черкасов, Г.И. Пелих, А.А. Говорков – всех не перечислить) создавали ту неповторимую атмосферу творческой свободы, интеллектуальной энергии, открытости всему интересному и новому, аналогов которой трудно найти. Это был своеобразный бродильный котел, в котором постоянно вызревали новые идеи. Замечу, что котел был особый еще вот в каком отношении – факультет назывался ИФФ. Общение с филологами носило далеко не формально-организационный характер. Сохранялись те тра-

диции товарищества, открытости, что принесла с собой фронтовая гвардия. Отсутствие дисциплинарных и корпоративных границ не по форме, а по сути придавало факультету тот самый дополнительный культурно-духовный антураж, благодаря которому в немалой степени за Томским университетом закрепится слава Сибирских Афин. Таким пассионарным образованием руководить было одновременно просто и сложно.

Для того, чтобы обрести в этой среде авторитет, причем не просто авторитет декана, заведующего кафедрой и председателя Совета по защитам, а тот неформальный и безусловный авторитет, который не фиксируешь никакими должностями и степенями, нужно было быть неординарной личностью. Конечно, в обретении такого авторитета большую роль сыграл и сам коллектив, в диалоге с которым постоянно оттачивался его талант как руководителя. И все же в том, что этот диалог не просто состоялся, а вошел в память всех поколений студентов, учившихся на факультете, как его золотой век, большая заслуга прежде всего самого Бориса Георгиевича. Все помнят те методологические семинары, которые под его руководством превратились в своеобразную лабораторию апробации новых научных идей, на них постоянно дискутировались самые новые, самые дерзкие, самые интересные и животрепещущие проблемы нашего ремесла. Они были не просто факультетской школой повышения научной квалификации, а привлекали к себе интеллектуальную элиту других вузов города и региона. Издаваемый и редактируемый им журнал «Методологические и историографические проблемы исторической науки» стал широко известен не только в Сибири, его знали, читали, цитировали в Москве и Ленинграде, Киеве и Саратове, Одессе и Омске. Многие соискатели стремились представить свои исследования к защите в руководимом им Совете. Проводимые им региональные конференции по историографии и методологии собирали цвет тогдашней российской науки – А.Д. Сахаров, Н.Н. Болховитинов, А.Б. Дунаевский, А.И. Борозняк, А.Е. Кунина. Формировалось то научно-образовательное пространство, в рамках которого постепенно обретет очертания то явление, которое вскоре получило широкую известность как школа Могильницкого.

А теперь представим на минуту, что это были за годы. Приведу лишь один пример, который ярко показывает, с какими проблемами ему как руководителю приходилось сталкиваться: 1969 год, работа Н.Н. Киселева над докторской по драматургии 1920–30-х гг., в ходе которой его статья о пьесе Эрдмана «Самоубийца» была запрещена и вырезана из уже готового тома «Ученых записок ТГУ». Не раз Борис Георгиевич

будет сталкиваться с подобными ситуациями и всякий раз находить средство помочь опальному – так будет в истории с В.С. Гурьевым, с В.М. Мучником и многими другими. Безусловно, отчасти на его смелость работал его же авторитет – с его мнением считались и на самых высших этажах партийных структур. Однако случай с Н.Н. Киселевым имевший место в 1969 г., когда молодой декан не обладал еще тем символическим капиталом, который будет своеобразным, хотя опять-таки не безусловным, страховым полисом в более поздние годы, говорил о многом – не всякому бы он был по плечу, нужно было обладать мужеством, убежденностью, качествами, которые не позаимствуешь для опасной акции защиты невиновного.

Борис Георгиевич не являлся неким оппозиционером системе, он таковым никогда не был и не мог быть по очень простой причине. Опять-таки по причине не политического, но иного более глубокого свойства. Нам не дано выбирать времена, но нам дано выбирать свой путь в них. Его путь – это путь дела, конструктивного созидания, которое во все времена является основой движения жизни. Он был всегда сторонником завета Берка «не разрушать, а улучшать», знающим также, что личность, желающая сохранить уважение к себе, в любую эпоху обязана стремиться не к социальному индифферентизму, и тем более, не к приумножению зла, а к его преуменьшению, делая это в границах возможностей, предоставленных временем, и особенностей темперамента, дарованного Богом.

Именно поэтому в любые времена, при любых сменах режимов и политических пертурбациях он сохранял завидное свойство – не уходя от тех проблем, что выдвигала современная ему действительность, он, понимая, что «важней всего погода в доме», никогда не строил свою жизнь и работу по политическому барометру. Яркий пример – перестройка. Вспомним, какой тогда царил политический хаос, одни срочно бежали сдавать партбилеты, другие искали «место под солнцем» вновь создаваемых кумиров, третьи крыли всех и вся. Примерно то же самое происходило и в научных кругах – концептуальная растерянность, во многом связанная с тем, что в условиях дискредитации единственно верной марксистской теории образовался вакуум. Многие только тем и занимались, что громили почем зря марксистскую теорию, и, не имея за душой ничего более серьезного, взамен лихорадочно хватались за первые приглянувшиеся западные концепции, творя из их авторов новых кумиров. Третьи и вовсе разуверились в важности своего дела и покидали Музу, в любви которой еще недавно клялись.

Ситуация была сложной – наука действительно испытывала кризисные времена и это было связано не только с сиюминутными обстоятельствами политической конъюнктуры, хроническим безденежьем. На иной манер благополучный Запад также переживал профессиональный кризис – разговоры о конце истории, о невозможности ее объективного познания, соседствовали с тем, что Мишель Фуко удачно назвал «историей в мелкий горошек».

Для Бориса Георгиевича это было время, когда он испытал один из сложнейших кризисов профессиональной идентичности, мучительных поисков самоопределения в новых реалиях. На это наложился процесс, своими началами уходящий еще к 1970-м гг., когда интересы Бориса Георгиевича все более и более сосредотачивались в области новаций в западной науке. К этому времени за ним закрепилась репутация одного из знатоков и критиков западной историографии. Как бы теперь ни оценивалась критическая составляющая этого знакомства с миром другой науки, важно одно – в ней он увидел многое такое, что для историка-марксиста, каковым, безусловно, был Борис Георгиевич, не могло не стать вызовом парадигмальной методологии, в рамках которой он, как и многие другие, долгие годы работал. Уже в одной из своих статей начала 1990-х он писал, что начинается, хотя и медленно, подспудно, процесс осознания того, что классическая марксистская теория недостаточна для понимания многообразия исторической действительности.

Самое важное в этом поиске и саморефлексии было то, что для него, профессионала большой культуры, многое в этом вызове оказалось провоцирующе продуктивным, и сейчас можно с уверенностью сказать, что ответ на вызов среды был найден адекватный. Знакомство с новыми методологиями анализа человека, его чувств и сознания, всего того, что сегодня именуется антропологической историей, образовало для него и для его школы то творчески напряженное пространство новых исследований, которое побудило к конструктивному переосмыслению накопленного теоретического багажа и методологического инструментария. Причем для Бориса Георгиевича и его школы работа в этом пространстве протекала в особом режиме. Поиск был разнонаправленным – здесь и «Анналы», и Ф. Арьес, и М. Вовель, и германская историческая антропология... Можно было бы утонуть во всем этом. Однако общая исследовательская и человеческая культура шефа служила хорошим противовесом от неразборчивого слепого копирования и концептуальной всеядности. Умение видеть за лавиной разнонаправленных и хаотических процессов главное позволило ему отсекал тупиковые ветви поиска и находить те ниши работы, которые сулили открытие нового.

Словом он и его школа работали, и итогом работы этих трудных лет явился широкий круг статей и книг, связанных с анализом антропологического сдвига в современной историографии. Помню, с каким трудом нашлись деньги на публикацию книги «К новому пониманию человека в истории»¹, которая по причине отсутствия финансов пролежала около года под сукном, и нужен был поход в обком, чтобы книга увидела свет и на нее сразу откликнулись многие. Но каким бы трудным ни был этот путь, он позволил школе не просто сохраниться, но идти дальше. Именно в эти годы началась большая работа по отработке исследовательских технологий, позволяющих системно работать с конкретным историческим материалом, синтезируя новации разных гуманитарных дисциплин, как отечественной, так и мировой науки. Сам Борис Георгиевич в те годы начал большую и напряженную работу по «конвертации» читаемых им курсов в сводный курс лекций по истории исторической мысли, начав эту работу с одной из сложнейших проблем той парадигмальной ломки науки, которая именуется историографической революцией и в авангарде которой шла французская школа «Анналов». Уже вышли в свет три тома, посвященных анализу этих процессов, не за горами и четвертый². При всем обилии выходящей ныне научной продукции книги эти имеют поразительный спрос – некоторые библиотеки заказывали по пятьдесят экземпляров!

Работа над этим курсом – плод его деятельности и как ученого и как преподавателя. В одной из рецензий, написанной В.В. Согринным, отмечается, что труд Бориса Георгиевича, сопровождаемый подзаголовком «курс лекций», является таковым «только по форме изложения – легкой, часто изящной с литературной точки зрения, порой разговорной, делающей в результате работу доступной самому широкому читателю и, уж, безусловно всем представителям исторической профессии. Но по научной сути это истинно оригинальный исследовательский труд, основанный на профессиональном анализе десятков и десятков ведущих представителей исторической науки XX в.»³. Для кого-то чтение лекций – профессиональная рутина, не более того, а для него студент – всегда главный собеседник. В нем он всегда видит коллегу, пусть младшего по возрасту и другим параметрам – но коллегу. К встрече со студентами он всегда готовится как в первый раз, перед ними он не боится ставить те проблемы, которые мучают как исследователя и его самого. Всем своим

¹ К новому пониманию человека в истории...

² Могильницкий. 2001; 2003; 2008.

³ Согрин. 2004. С.154.

отношением к делу он задает такую планку диалога, что никому в голову не придет, не принять его дело всерьез. Сколько себя помню, Борис Георгиевичу никогда не приходилось прибегать к каким-то специальным средствам активизации внимания, не приходилось взывать к дисциплине или напоминать о необходимости вникнуть в суть дела, иначе трудно придется на зачете. Его собственный интерес и культура общения всегда возвращаются по принципу бумеранга. Многие поколения студентов ласково-уважительно называют его не иначе как Б.Г. Осознание того, у кого им посчастливилось учиться в университетских стенах приходит не *post factum*, что нередко бывает в случаях с яркими преподавателями, но сразу по горячим следам. Вот лишь одно свидетельство – студенты одного из выпущенных им курсов по окончании занятий с ним сочинили экспромтом следующие строки – я не помню весь текст на память, но смысл его можно передать примерно следующими словами. «Мы шли копать в пирамидах и сфинксам лапы пожимать», но, дойдя до III-го курса, зубря недешифрованный конспект некогда таинственного предмета, наконец, прозрели, что на «туманный век персидский не променяем никогда», Борис Георгиевич Могильницкий, «твои чудесные слова».

И сегодня, как и многие годы своей счастливой исполненной радости повседневного труда жизни, Борис Георгиевич верен раз и навсегда избранной судьбе. Верен своей музе – Истории. Он встречает и заканчивает каждый день за рабочим столом. Пишет очередной том «Истории исторической мысли», руководит работой аспирантов и докторантов, рецензирует статьи и книги коллег из других городов, пишет отзывы на присылаемые диссертации. И, глядя на Учителя, слушая его, на душе наступает какое-то умиротворение. И просятся сами собой слова поэта: «Но силу их мы чуем, их чуем благодать, и меньше мы тоскуем, и легче нам дышать».

БИБЛИОГРАФИЯ

- К новому пониманию человека в истории. Очерки развития современной западной мысли / Под ред. Б.Г. Могильницкого. Томск, 1994. 226 с.
- Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Вып. I. Кризис историзма. Томск, 2001. 210 с.; Вып. II. Становление «новой исторической науки». Томск, 2003. 177 с.; Вып. III. Историографическая революция. Томск, 2008. 553 с.
- Согрин В.В. Историография и источниковедение. История исторической мысли // Новая и Новейшая история. 2004. № 3. С. 154.

Николаева Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Томского государственного педагогического университета; percka@mail.ru.